

Джеймс РАНСИ

Джеймс РАНСИ

Сидни Чемберс
и
КОШМАРЫ НОЧИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Р22

Серия «Гранчестерские тайны»

James Runcie
SIDNEY CHAMBERS
AND THE PERILS OF THE NIGHT:
THE GRANTCHESTER MYSTERIES

Перевод с английского *А. А. Соколова*

Художник *В. Н. Ненов*

Компьютерный дизайн *А. И. Смирновой*

Печатается с разрешения автора,
издательства Bloomsbury Publishing
и литературного агентства Synopsis.

Ранси, Джеймс.

Р22 Сидни Чемберс и кошмары ночи : [роман] / Джеймс Ранси ; [пер. с англ. А. А. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Гранчестерские тайны).

ISBN 978-5-17-085753-1

Сериал «Гранчестер» с Джеймсом Нортоном в главной роли о приключениях детектива-любителя Сидни Чемберса покорила сердца зарубежных и отечественных зрителей, а особенно — зрительниц.

Какие же новые дела распутывает викарий?

Вместе со своим другом инспектором Китингом Сидни Чемберс расследует гибель студента колледжа, причины пожара в доме местного фотографа, изощренное убийство профессора Кембриджского университета и другие, не менее загадочные преступления...

И конечно, харизматичный викарий продолжает выяснять отношения с двумя влюбленными в него женщинами — изысканной аристократкой Амандой и красавицей немкой Хильдегардой...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-085753-1

© James Runcie, 2013
© Перевод. А. А. Соколов, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

Посвящается Мэрилин

КОШМАРЫ НОЧИ

Когда над деревенькой Гранчестер померк дневной свет, прихожане зажгли огонь, опустили на окнах шторы и, ограждая себя от опасностей тьмы, заперли на замки двери. Чернота за порогом служила *memento mori**, ночным напоминанием о мрачном крае, откуда не вернулся ни один путник. Но каноник Сидни Чемберс не испытывал страха. Ему нравились зимние вечера.

Дело было восьмого января 1955 года. Далекий Кембридж в завораживающе лукавом свете луны казался почти двухмерным, а здания колледжа на фоне темнеющего неба напоминали гравюру со страниц детской сказки. Сидни представил заточенных в башнях принцесс, рыцарей, скачущих через дремучие леса в поисках опасных приключений, и дровосеков, везущих груженные поленьями повозки, чтобы поддерживать огонь в огромных каминах средневековых залов. Река Кем застыла во времени, ее воды превратились в лед и скрылись под сорванными с деревьев ветвями, прутьями и палой листвой. Снег запорошил мост Клэр, соорудив на украшениях парапета четырнадцать снежных комьев. Казалось,

* Помни о смерти (*лат.*).

они слеплены каким-то гигантом, который теперь возвышался, расставив ноги, над моделью английского университета. Чуть в глубине и к югу за полосой побелевшей травы возвышалась часовня Королевского колледжа. На крыше, дорожках и у основания ее островерхих башенок лежал снег, известняковые стены словно лучились светом. Ветер крутил вокруг здания вихри и швырял хлопья в лепные украшения и переплеты окон. Витражные стекла потемнели, будто предчувствуя, что случится нечто неведомое: новая Реформация, или воздушный налет, или даже конец света. Тишину ночи нарушали лишь случайные звуки: шум проехавшей машины, пьяный крик, шаги совершающих обход университетских надзирателей. На желобах колледжа Тела Господнего — родного колледжа Сидни — выросли настоящие сталактиты, со свесов крыш Старого двора сползали рваные снежные пласты, тяжелые комья падали на землю со свода главных ворот. У увенчанной шипами ограды лежали велосипеды, спицы побелели от инея. Вечер был из тех, когда приятно задернуть шторы и в компании стаканчика горячего пунша и верного пса устроиться с хорошей книгой в любимом кресле у огня.

Сидни с удовольствием пропустил пару пинт в «Орле» с добрым приятелем инспектором Джорджем Китингом и собрался домой. Было часов десять вечера, и студенты сидели взаперти в своих комнатах. Войти в этот час можно было только через сторожку привратника, за что с припозднившихся взималась плата в один шиллинг. Подобная либеральность продолжалась до полуночи, после чего вход официально запрещался. Если же кому-то все-таки требовалось пробраться к себе в предрассветные часы, оставалась единственная возможность — незаконное вторжение на манер вора-форточника. В бытность студентом, лет за десять до того, как стать викарием Гранчестера, Сидни проделал именно это: подошел к колледжу по Фри-скул-лейн, перебрался через забор у церкви Святого Бенедикта, поднялся по водосточной трубе и, пробравшись по кры-

шам над зимним садом, проник в здание через открытое окно в квартире — директора колледжа.

Вскоре после своей шальной выходки Сидни узнал, что этот маршрут был более известен, чем он предполагал: дочь мастера Софи в надежде на небольшое ночное развлечение частенько оставляла окно своей спальни открытым. Ночной альпинизм превратился в излюбленный в Кембридже спорт, и жажда буйного веселья заставляла студентов совершать все новые восхождения. С луковичеобразного купола факультета богословия они скатывали луковичи, на «шатающейся» башне библиотеки оставляли зонтики, а один канадский студент Королевского колледжа носился с безумной мыслью затащить на крышу своего учебного заведения стадо коз.

Страх быть пойманным с последующим исключением из университета удерживал Сидни от активного участия в подобных приключениях, но слухи о бесстрашных подвигах городских верхолазов подпитывали разговоры в комнатах отдыха общежитий. Университетские власти, надеясь прервать порочную практику, увеличили число ночных дежурных, однако студенты продолжали рисковать своим будущим во имя свободы и бесшабашной отваги и потихоньку сговаривались фотографировать друг друга во время очередных восхождений на Великие ворота колледжа Святой Троицы, Новую башню колледжа Святого Иоанна или северный фасад Пемброука.

Серьезным испытанием среди помешанных на восхождениях считались восьмиугольные башни часовни Королевского колледжа. В ту ночь экспедицию возглавлял Валентайн Лайал, научный сотрудник колледжа Тела Господнего. Последствия оказались драматичными.

Сидни насторожила суета на Кингз-парейд. Шум был такой, что он решил сделать крюк и посмотреть, что там творится, и с Бенет-стрит повернул не как обычно, налево, а направо.

Лайал был закаленным ночным альпинистом, о нем в университете ходила молва. Опытного верхолаза со-

проводжали его аспирант Кит Бартлетт, светловолосый спортсмен атлетического телосложения, и коренастый третьекурсник Рори Монтегю, которого призвали, чтобы он сделал для истории фотографии.

Все трое были в свитерах поло и спортивных туфлях. Подъем происходил в два этапа: с земли на крышу и с крыши на северо-восточную башню. Восхождение возглавил Лайал: хватаясь между точками крепления за тросовый молниеотвод, он подтягивался вверх и уже достиг высоты в двадцать футов. На плече Лайал нес свернутую стометровую веревку. Ноги у него действовали как рычаги, отталкиваясь от стены и при этом переступая вверх, а руки, способствуя подъему, попеременными движениями удерживали тело рядом с каменной кладкой.

Сопровождающие его «альпинисты» следовали за ним с фонарями и, немного отдохнув на широком скате, пошли на штурм «вершины». Втиснулись в расселину между стенами, уперлись спинами в одну из них и ступнями в другую и, действуя ногами, поднимались вверх. Каменный выступ, на который они опирались, был четырех дюймов шириной, а подъем происходил под косым углом. Сидни увидел, как один из стенолазов замер и посмотрел на металлическую решетку под собой. Он находился на высоте пятидесяти футов над землей, и ему оставалось подняться еще на сорок. Университетские надзиратели уже явились на место действия.

— Может кто-нибудь за ними слазить? — произнес Сидни.

— Стоит полезть, и они сами убьются, — сказал кто-то ему. — Узнаем их фамилии, когда спустятся. Вряд ли они из этого колледжа. Наверное, прятались, когда надзиратели совершали обход. Пора их выходкам положить конец, каноник Чемберс. Они считают это спортом, но если что-нибудь случится, отвечать будем мы.

Верхолазы собрались у подножия восьмиугольной башни, шестью ярусами возвышающейся над кровлей. Некоторые секции со сквозной ажурной каменной резь-

бой были легкодоступны — имелось за что ухватиться. Трудности представляла высота парапета. Лайал начал обходить восьмиугольник и обнаружил несколько вентиляционных отверстий в камне над первым свесом. Они были пятнадцати дюймов в глубину и в ширину, и он сумел воспользоваться ими в качестве короткой лестницы. Теперь Лайал оказался в сотне футов над землей.

Он вскарабкался на парапет, добрался до выполненной в шахматном порядке каменной резьбы у вершины восьмиугольника и крикнул:

— Ребята, осторожно, камень здесь осыпается! Следите, чтобы одновременно у вас было три опоры: рука и две ноги или две руки и нога.

У Рори Монтегю стали сдавать нервы. Приблизившись ко второму свесу, он увидел, что впереди на протяжении пяти футов ухватиться не за что.

— У меня не получится, — пробормотал он.

— Не сдавайся! — подбодрил Бартлетт. — Пользуйся коленями. Прижимайся к камню. И не отдаляйся от стены.

— Ничего не получится.

— Осталось всего двенадцать футов.

Лайал находился уже на втором свесе.

— Нужна фотография.

— Не сейчас, — возразил Бартлетт.

— Помогите, я застрял! — крикнул Монтегю.

— Не гляди вниз!

— Тут темно, как в аду.

Лайал осветил фонарем.

— Обходи справа. Здесь есть водосточная труба.

— А если она не выдержит?

— Выдержит!

— Труба не доходит до парапета.

— Всего несколько футов.

— Без веревки не сумею.

— Подожди минуту.

Лайал приблизился к последнему парапету, вытянулся и, ухватившись обеими руками, подтягивался, пользуясь

отверстиями в кладке, пока нога не нашла самый верхний просвет. Бартлетт повторил его действия, и они сбросили вниз конец веревки, чтобы Монтегю воспользовался ею для последнего рывка.

Чтобы лучше видеть, Сидни прошел вдоль северной стены нефа. Снег засыпал глаза, и фигуры высоко наверху казались темными силуэтами на фоне луны и света фонарей.

— На случай падения у них нет никакой страховки, — сказал он.

— Такие не падают, — буркнул надзиратель.

— Думаю, спуск будет намного труднее подъема.

— Оказавшись на крыше, они могут пройти через внутреннее помещение. Если обзавелись дубликатом ключа.

— Полагаете, он у них есть?

— Наверняка.

— Так вы будете ждать их внизу?

— Добравшись до крыши, они могут там прятаться среди башенок, пока не решат, что мы разошлись по домам. В прошлом году парочка подобных типов сидела там несколько часов. Мы заперли лестницу снаружи и ждали, пока они не проголодались и не сдались.

— То есть скрыться невозможно?

— Пока еще никому не удалось.

Ветер стих, и было слышно, как Лайал давал указания Рори Монтегю.

— Держись за веревку и спускайся. Пользуйся клеверными листьями как опорой для ног и смещайся влево. Мы не будем тебя видеть, но будем чувствовать.

Монтегю начал спуск. Все шло хорошо, пока не закончились украшения в виде клеверных листьев. Нога потеряла опору.

— Черт!

Он оттолкнулся от стены, и веревка приняла весь его вес.

— Что ты творишь? — крикнул Лайал.

— Ноге не на что опереться.

— Хватайся руками. Мне тебя не удержать.

— Я держусь за веревку обеими руками. У меня не хватит сил висеть на одной.

— Упирайся ногами! Разгрузи веревку!

— Я слишком далеко от стены.

Левая нога Монтегю, стараясь обрести опору, шарила по боку парапета. Он раскачивался над пропастью.

— Сейчас же спускайся! — крикнул надзиратель.

Ладони Монтегю скользнули по веревке, кожу обожгло огнем. Правый локоть ударился о горгулью.

— Отпускай! — попросил он товарища.

— Что там происходит? — спросил Лайал.

Монтегю, перебирая руками по веревке, немного спустился по стене и нашел опору для ноги. Передохнул и снова натянул веревку.

— Что ты делаешь? — воскликнул Лайал. — Сообщи, когда тебе больше не будет нужна веревка, чтобы я ее отвязал и тоже начал спуск. Мне веревка не понадобится.

— Хорошо, — отозвался Монтегю. Он не мог сообразить, куда подевался его товарищ Кит Бартлетт.

— Сейчас чуть наклонюсь и стравлю тебе веревку. У нас ее достаточно. Ты в безопасности?

— Вроде бы да.

— Отлично. Сейчас... дьявол! Подожди... О!

Он сорвался с башни и, опрокинувшись навзничь, полетел сквозь ночь и снег мимо искаженных личин безмолвных горгулий. Тело набрало инерцию, и ничто не смягчило жесткого столкновения с землей, чтобы предотвратить смерть.

Не раздалось ни единого крика: падение происходило в тишине и завершилось не откликнувшимся эхом глухим ударом. Промежуток во времени заполнило лишь изумление не желающих поверить в происходящее свидетелей.

— Боже... — прошептал надзиратель.

— Это был мистер Лайал? — спросил Монтегю. — Веревка ослабла. Я не вижу Бартлетта. Не знаю, как спуститься.

— Не спешите, сэр, — посоветовал ему один из надзирателей.

— Мистер Лайал упал?

— Возвращайтесь на крышу, сэр. К вам поднимутся и помогут. Вы знаете, где внутренняя лестница?

— Где?

— На крыше есть люк. Ждите там. За вами придут.

— Ничего не знаю про этот люк. Где Кит? Что случилось с мистером Лайалом?

Надзиратель промолчал.

— Мы должны спустить вас на землю.

— Я не хочу умирать! — выкрикнул Монтегю.

— Кто с вами?

— Я же сказал: Кит Бартлетт. Только я понятия не имею, где он сейчас. Мистер Лайал упал?

— Из какого вы колледжа?

— Тела Господнего.

Монтегю с трудом спустился ниже и с высоты нескольких футов прыгнул на крышу. А затем двинулся вдоль здания искать люк на внутреннюю лестницу. Но куда подевался его товарищ Кит? Успел спуститься или прячется где-нибудь наверху? Но как он сумел так быстро скрыться?

По Кингз-парейд к месту трагедии уже спешила «Скорая помощь».

Директор колледжа Тела Господнего сэр Джайлз Тремлетт был глубоко расстроен смертью одного из коллег и попросил Сидни прийти к нему следующим вечером.

— Полагаю, вы готовы позаботиться о похоронах?

Уже третьих у Сидни в этом году. Он достаточно наблюдал зимой смертей, вызванных естественными причинами, и эта, такая бессмысленная, его особенно огорчила.

— Я плохо знал Лайала.

— И все же будет правильно, если сотрудник колледжа упокоится в Гранчестере.

— Как я понимаю, набожным он не был и в церковь не ходил.

— В наши дни таких редко можно встретить среди ученых. — Директор начал разливать херес, но остановился. — Прошу прощения, все время забываю, что вам не нравится этот напиток. Хотите немного виски?

— Только с водой. Еще слишком рано.

Директор находился в растерянности. Обычно напитки разливал слуга. Но на сей раз было ясно, что глава колледжа принял меры, чтобы их не потревожили во время разговора. Сэр Джайлз, высокий мужчина с длинными руками хорошей формы, был педантичен в манере себя держать и тщателен в одежде, что отметало всякие подозрения, будто он человек не от мира сего. Речь приглашена, как его накрахмаленная рубашка. Он носил темно-синий костюм с улицы Сэвил-роу и галстук гренадерского гвардейского полка, в котором во время Первой мировой войны воевал вместе с Гарольдом Макмилланом. Был в приятельских отношениях с Джоном Селвином Ллойдом, министром иностранных дел. Жена сэра Джайлза, леди Силия, одевалась только у Шанель, две их дочери вышли замуж за мелкопоместных аристократов. В пятьдесят лет став рыцарем-командором ордена Британской империи, он уже считался ключевой фигурой британского истеблишмента. До того важной, что Сидни задавался вопросом: не считает ли он кембриджский колледж застойной заводью?

В бытность на дипломатической службе сэр Джайлз привык к двусмысленностям политических споров и формальностям правоведения, но, заняв несколько лет назад пост в университете, удивлялся, насколько близко к сердцу принимают ученые свои дискуссии и как непросто найти долговременные и всех устраивающие решения их разногласий. Было и без того непросто улаживать дела в совете колледжа, но теперь, когда при загадочных обстоятельствах погиб один из сотрудников, чтобы сгладить острые углы, оставалось полагаться исключительно на собственный такт и осмотрительность.